

УДК 811.163+811.161.

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/19

К ВОПРОСУ О КАРПАТИЗМАХ И БАЛКАНИЗМАХ В БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ ЮГА УКРАИНЫ: ОВЦЕВОДСТВО

В.А. Колесник

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
Украина, 65082, г. Одесса, Дворянская, 2
E-mail: vakolesnik2@gmail.com

Авторское резюме

В статье исследуются карпатизмы и балканизмы в болгарских переселенческих говорах юга Украины. Целью работы является определение корпуса карпатоукраинско-болгарских лексических параллелей на материале болгарских переселенческих говоров юга Украины. Изучив материалы болгарских переселенческих говоров и сопоставив их с данными словарей буковинских и гуцульских говоров, мы зафиксировали более тысячи лексических карпатизмов и балканизмов, которые функционируют в болгарских переселенческих говорах юга Украины. Установлено, что в болгарских переселенческих говорах юга Украины в тематической группе «Овцеводство» отмечено значительное количество лексем, имеющих закарпатско-южнославянский ареал. Это названия овец по возрасту и полу, наименования загонов для овец и одежды пастухов. Среди них можно выделить карпатизмы и балканизмы, которые зачастую имеют разные значения в карпатских и в исследуемых болгарских переселенческих говорах. Болгарские говоры юга Украины как неотъемлемая часть болгарского языкового континуума, несомненно, должны привлекаться при анализе различного типа балканизмов и карпатизмов. Функционирование в диалектах карпато-балканского ареала некоторого общего корпуса лексико-семантических единиц, имеющих различный генезис, дает основание предполагать формирование здесь особой лингвистической общности, типологически близкой к «языковому союзу», но актуализированной лишь на одном – лексико-семантическом – языковом уровне. Поэтому украинские говоры карпатской зоны необходимо относить к языкам балканского языкового союза третьего ранга.

Ключевые слова: болгарская диалектология, болгарские переселенческие говоры, карпатоукраинско-болгарские лексические параллели, буковинские и гуцульские говоры, терминология овцеводства, языковые контакты.

ON CARPATHISMS AND BALKANISMS IN THE BULGARIAN DIALECTS OF THE SOUTH UKRAINE: SHEEP BREEDING TERMINOLOGY

V.A. Kolesnik

Odesa I.I. Mechnikov National University
2 Dvoryanskaya Street, Odesa, 65082, Ukraine
E-mail: vakolesnik2@gmail.com

Abstract

The article studies Carpathisms and Balkanisms of the Bulgarian transmigratory dialects of the South of Ukraine. The research aims at determining the corpus of the Carpatho-Ukrainian and Bulgarian lexical parallels on the material of the Bulgarian transmigratory dialects of the south of Ukraine. The author has studied the entries in the dictionaries of Bukovyna and Hutsul dialects to record more more than a thousand lexical Carpathisms and Balkanisms that function in the Bulgarian transmigratory dialects of the south of Ukraine. It has been established that the “sheep breeding” lexical-semantic group in the Bulgarian transmigratory dialects of Southern Ukraine features a significant number of lexemes of the Transcarpathian-South Slavic area, including names of sheep by age and gender, names of sheep pens, and names of shepherd’s clothes. Among them, there are Carpathisms and Balkanisms with different meanings in Carpathian and Bulgarian transmigratory dialects. The Bulgarian dialects of the south of Ukraine as an integral part of the Bulgarian language continuum are to be involved in the analysis of various types of Balkanisms and Carpathisms. A general corpus of lexical and semantic units of different genesis, functioning in the Carpathian-Balkan area dialects, suggests the development of a special linguistic community that is typologically close to a “linguistic area”, yet existing on the lexico-semantic level only. Therefore, the Bulgarian transmigratory dialects, as well as the Ukrainian dialects of the Carpathian zone, are to be attributed to the third rank languages of the Balkan language area.

Keywords: Bulgarian dialectology, Bulgarian transmigratory dialects, Carpathian-Ukrainian-Balkan lexical parallels, Bukovynian and Hutsul dialects, sheep breeding terminology, linguistic contacts.

Постановка проблеми. Причини создавшейся языковой ситуации на Балканах, которая способствовала трансформации синтетических славянских форм в аналитические, в современном балканском

языкознании объясняются в основном языковыми контактами. Возникновение балканского языкового союза (БЯС) обусловлено языковой интерференцией, различными формами билингвизма, восходящими к субстрату, адстрату и суперстрату (Георгиев 1972: 401). Языковой союз рассматривается как остановившееся на полпути движение языков к интеграции (Георгиев 1972: 409). Именно в результате языковых контактов и возникли в болгарском языке инновации, названные позже балканизмами. Под балканизмом понимают все возможные реорганизации грамматической структуры, вызванные качественными и количественными изменениями в условиях балканской языковой среды, при этом берутся во внимание не только чисто балканские языковые модели, но и различные реорганизации исконно славянского материала в условиях балканской языковой среды (Лашкова 1997: 132). К грамматическим балканизмам традиционно относят наличие постпозитивного артикля (в албанском, болгарском, македонском, румынском языках), поссессивного датива, аналитических форм прошедших и будущих времен, замена инфинитива *да*-конструкциями, образование сравнительной и превосходной степени сравнения прилагательных при помощи частиц *по-*, *най-* и некоторые другие. Эти черты присущи языкам БЯС первого ранга (албанскому, болгарскому, македонскому, румынскому). Во вторую группу входят греческий, сербский и штоковские говоры хорватского языка. Дискуссионным в балкологии является вопрос о языках БЯС третьего ранга, поскольку они не находятся на Балканском полуострове, но имеют определенное количество общих лексических (лексико-семантических) элементов с балканскими языками первого ранга. Это турецкий, словенский, венгерский языки и украинские карпатские говоры (Георгиев 1972: 401; Нимчук 1988: 310).

Болгарский язык принадлежит, с одной стороны, к славянской семье – южнославянской, а с другой – к балканскому языковому союзу. Длительное функционирование болгарского языка в балканском языковом окружении изменило, «балканизировало» его грамматический, фонетический и лексический строй, в результате чего он стал членом языковой семьи по отношению к славянским языкам и одновременно с этим членом языкового союза – балканского. Среди других балканских языков болгарский также занимает особое место. Он находился в прямом контакте с каждым из балканских языков и был посредником их взаимовлияния. Полнота и последовательность, с которой представлены балканизмы в болгарском языке, позволили охарактеризовать его как инвариант балканского языкового типа, эталон балканского языкового союза (Асенова 1989: 13) среди бал-

канских языков и «классическим и экзотическим» (Иванчев 1988: 3) среди славянских.

Последние десятилетия XX в. характеризовались становлением и быстрым развитием карпатского языкознания – сравнительно нового направления в ареально-типологической лингвистике. Актуализуются ареально маркированные аспекты славянской диалектологии и лингвогеографии. Термин *карпатские говоры* традиционно включает все говоры вдоль украинских Карпат – гуцульские, закарпатские, бойковские, лемковские и покутско-буковинские. Создание «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА) подтвердило важность карпатологических студий для развития славянской диалектологии в целом, в т. ч. числе славянской лингвогеографии. Новые ареалогические данные, отраженные в ОКДА, позволяют значительно расширить контекст, в котором исследуются карпатославянские языки (соответственно, диалекты), и в первую очередь – в отношении реализации тенденции их конвергентного развития. Отмечена необходимость разграничения карпатизмов и балканизмов в украинских карпатских говорах: «Много общих элементов является следствием ассимилированных тех древних индоевропейских языков, которые были распространены на территории Дакии, Паннонии, Мизии и на соседних территориях. Эти элементы в украинских говорах в такой же степени могут считаться южнославянизмами, как и в южнославянских языках – украинизмами. Поскольку эти элементы представлены в румынском языке, иногда – в венгерском, следовало бы все эти общие элементы называть карпатизмами» (Бернштейн 1967: 16). Более поздние заимствования из языков балканского ареала являются *балканизмами*. При этом следует разграничивать более давние элементы – *карпатизмы* и более поздние – *балканизмы*. Основным источником распространения балканизмов в карпатском ареале были восточнороманские языки. Многие балканские инновации могли одновременно возникнуть в разных зонах БЯС, в частности в южнославянской, в результате контактов с ассимилированным населением, язык которого в балканском ареале рассматривается как субстрат.

Следует отметить, что продолжаются дискуссии относительно происхождения некоторых лексем-балканизмов. Это связано с недостатком сведений об автохтонных языках. В результате углубленного этимологического анализа лексики общекарпатской и карпатской локализации, которая квалифицировалась как лексика субстратного происхождения, установлены точные фонетические, морфологические и лексические соответствия в разных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках и диалектах в функции как нарицательных названий, так и онимов (личных имен, топонимов)

(Асенова 1989: 11). Для определения лексического субстрата особое значение имеют албано-румынские параллели. Многие общие черты болгарского и румынского языков могут быть объяснены влиянием фракийского субстрата. К общебалканской лексике субстратного происхождения, по мнению П. Асеновой и В. Георгиева, принадлежат лексемы:

болг. *балан* 'животное с белым пятном на лбу' – дако-мизийская;
болг. *грив* 'серый, сивый, пятнистый – о животном' – фракийская;
болг. *скрум* 'что-то горелое, горелая шерсть' – дако-мизийская;
болг. диал. *струнга* 'место доения овец' – дакийская (Георгиев 1972: 403–405; Асенова 1989: 11).

Нетрудно заметить, что все они входят в тематическую группу «Овцеводство». Исследователи отмечают, что балканизмы слабо представлены в Македонии и Фессалии, но характерны для Эпира – зоны прямого языкового взаимодействия между греками, албанцами, арумынами и южными славянами. Этимология многих общебалканских лексем остается неясной, поскольку они могут не иметь соответствий в родственных языках, но иметь параллели в соседних. К таким лексемам, например, относят: болг. диал. *бач* 'пастух, сыровар', которая имеет балкано-карпатский ареал распространения (Асенова 1989: 46); болг. диал. *урда* 'вид сыра', болг. *шут* 'безрогий' – лексема известна и в украинских диалектах (Клепикова 1974: 31). Балканизмами являются и лексемы *коч*, *хазман*, *дзвиска*, *шили*, *струнга*, *сая*, *турма*, *сурия*, *фандачка*, *хагъл*, *сайвант*, *курбан*, *кулестра*, *кърлига*, *колиба*, *каварма*, которые зафиксированы в «Словаре балканизмов» В. Будзишевской как заимствования из турецкого языка, *реже* – из греческого.

Общая характеристика материала. Карпатоукраинско-болгарские лексические соответствия впервые отметил Ю.И. Венелин, комментируя славянские грамоты южнокарпатского региона, однако тогда никто из лингвистов на эти соответствия не обратил внимание (Венелин 1840: 20). Лишь в 30-е гг. XX ст. В. Погорелов в материалах по украинским закарпатским говорам, собранным украинским диалектологом И. Верхратским, нашел характерные черты, которые, по его мнению, заимствованы из болгарского языка и свидетельствуют о контактах предков закарпатских украинцев с болгарскими до прихода венгров в бассейн Тисы и Дуная. Таковыми автор считал:

1) образование превосходной степени сравнения прилагательных при помощи частицы *май* < **наи*: *май слабый*, *май лютый*, *май высокий*; степень сравнения образуется в карпатских говорах также ударной частицей *по-*: *пóкороткий*, *пóширокий*, *пóдовгий*;

2) употребление формы дательного падежа личных местоимений в значении притяжательного, т. е. употребление дательного притяжа-

тельного вместо родительного (поссесивный датив): *говорить жонами* и др.;

3) употребление неизменяемого «местоимения» *що* вместо *который*, *котрый* (*росте верба над водою, що я йш садила*);

4) редупликация предлога *с* (з) – *зоз, зос*: *зоз другими газдома*;

5) лексические маркеры: функционирование в восточных закарпатских говорах слов: *балта* 'топор', *бердо* 'возвышенность, гора, холм', *брич* 'бритва', *дойка* 'мать, кормилица', *жеб* 'карман', *копилец* 'внебрачный ребенок', *мерша* 'падло, дохлятина', *пазити* 'беречь', *перть* 'тропинка, по которой ведут овец, узкая тропинка', *полонина*, *псовать*, *сербати*, *твердо* 'очень', *читавый* (Погорелов 1935: 3–7).

В.В. Нимчук вопрос о связи всех карпатоукраинских диалектов со всеми южнославянскими языками рассматривает также в контексте давних контактов, а не поздних заимствований. Так, он подчеркивает, что наиболее убедительные сведения о существовании в далеком прошлом давних языковых контактов между южнославянскими и восточнославянскими племенами, в частности белыми хорватами, дает изучение отдельных групп лексики, особенно абстрактной. Отмечено также, что лексические карпато-балканские параллели зафиксированы и в других украинских говорах – лемковских, бойковских, гуцульских и даже подольских: *бир* 'кладка', *грань* 'жар', *копыл* 'внебрачный ребенок', *пырт*, *перт* 'тропинка, протоптанная в снегу; протоптанная скотом', *звур* 'горный ручей, источник, поток', *полонина*, *токма* 'договор (о цене)', *млака* 'болотистая местность'. Некоторые из этих лексем функционируют в словацких говорах (*прт*, *млака*, *токма*) и гуральских польских (Нимчук 1988: 298).

Исследователи отмечают, что изучение карпатоукраинско-южнославянских лексических тождеств может открыть интересные страницы восточнославянско-болгарских контактов в эпоху Первого Болгарского царства – X–XI вв., владения которого доходили до Тиссы и Карпат, и в XII в., когда земли Галицкого княжества достигали Дуная и Черного моря. Позже (XIII–XVII вв.) контакты происходили на территории Молдавии и Трансильвании (Нимчук 1988: 305). Таким образом, контакты восточных славян с наддунайским населением продолжались на протяжении многих столетий и могли быть постоянным источником проникновения в восточнославянскую среду балканских языковых и культурных влияний.

Общая характеристика материала. Процесс диалектной конвергенции, характерный для современных славянских языков, в т. ч. и для болгарского, на территории Бессарабии проходил неравномерно. Он не доходил до интеграции – слияния, смешения разных диалектов. Исследования, проведенные нами в 15 болгарских селах, где уже более

200 лет проживают носители разных болгарских говоров, показывает, что субэтнические элементы говоров очень устойчивы. Это говоры сел Димитровка, Евгеновка, Заря, Каменка, Кирнички, Криничное, Кубей, Кулевча, Лощиновка, Новые Трояны, Ровное, Огородное, Островное, Суворово, Яровое. Исследуемые говоры представляют собой не конгломерат различных говоров, т. н. койне, а разные говоры, отличающиеся в основном фонетическими и лексическими особенностями: носители говора прочно сохраняют диалектные черты материкового говора. На наш взгляд, это можно объяснить как компактным проживанием, так и патриархальным укладом сельской культуры.

Функционируя почти два столетия в инославянской безартиклевой среде, болгарские говоры диаспоры сохранили аналитизм грамматической структуры, основные т. н. примарные балканизмы в именной системе – артикль, энклитические формы местоимений, удвоенное дополнение, аналитические глагольные формы, *да*-конструкции. При этом исконный пласт говоров более «балканизирован», нежели современный болгарский литературный язык. Он сохраняет и многие архаические лексические элементы. На наш взгляд, это можно объяснить капсулированием говоров болгарской диаспоры в районах компактного проживания. Подражательность, автоматизм употребления тех или иных форм – в большей степени свойство устной речи, каковой и является, в частности, диалектная речь.

Овцеводство – важный и наиболее распространенный элемент хозяйственной деятельности карпато-балканского региона. На это указывал один из первых исследователей болгарских колоний в России Н.С. Державин. Он, в частности, отмечал: «В истории колонизации Новороссийского края болгарскими поселенцами мы имеем некоторые данные, свидетельствующие о том, что в конце XVIII ст. и даже в начале XIX предки нынешних наших болгарских поселенцев... были преимущественно скотоводами... Современные частности народного быта, как, напр., болгарский дом, предметы домашней обстановки, пища, народные праздники и т.д., рисуют нам широкую картину их былого кочевого быта, в котором овцеводство было главным занятием народа и составляло главнейший, если не единственный, источник народного благосостояния. Еще в более раннюю пору предки наших болгар... питались молочными продуктами и овечьим мясом, провяленным на солнце или просоленным в кадках; для освещения употребляли овечий жир, отопляли свои юрты овечьим навозом; женщины пряли пряжу, ткали ковры и материи, мужчины пасли стада, стригли и доили овец, готовили сыр» (Державин 1914: 50).

На новых землях болгары занимались преимущественно овце-

водством. Поголовье овец к концу XIX ст. возросло почти в четыре раза: «Если в 1832 г. во всем Бессарабском Болгарском водворении насчитывалось 198 560 голов овец, то через 19 лет, в 1851 г., их было 781 152. При этом колонисты осуществляли замену грубошерстной породы на улучшенную, цигайскую тонкорунную породу. Самыми распространенными породами овец в крестьянском хозяйстве и ныне являются *чушка / цушка, цигая, меринос, волошская, курдючная, английская, стогоман, шпанка*. Овцеводство их кормило, одевало и обеспечивало им торговлю овцеводческой продукцией на внутреннем рынке, а также возможности вывоза ее за границу» (Грек 2018: 59). В диалектах находим подтверждение этим наблюдениям историков и этнографов. Пастушеская терминология является ценным материалом и при исследовании процессов колонизации, в частности т. н. валашской колонизации Карпат (Клепикова 1974). Лексика, связанная с овцеводством, составляет значительную группу карпатизмов и балканизмов.

Характеристика карпато-балканских параллелей. Материалом для нашего исследования послужили болгарские переселенческие говоры юга Украины. Для выделения карпатизмов привлечены два словаря. Первый – «Словарь буковинских говоров» под редакцией Н.В. Гуйванюк, в котором зафиксировано 11 816 диалектных слов из 227 населенных пунктов Черновицкой области. Исследуя его материалы, мы нашли более тысячи лексических карпатизмов и балканизмов, зафиксированных нами в болгарских говорах юга Украины. «Краткий словарь гуцульских говоров» под редакцией Я. Закревской значительно меньше по объему (225 страниц), но и в нем находим более 200 карпатизмов и балканизмов. Значительную часть этого лексического фонда составляет лексика, связанная с овцеводством.

Для определения балканизмов использовался «Словарь балканизмов в Эгейской Македонии» В. Будзишевской (Будзишевска 1983) и составленный нами «Словарь лексических балканизмов в болгарских переселенческих говорах юга Украины» (Колесник 2005). Основным критерием определения балканизмов является фиксация исследуемой лексемы в балканских языках первого ранга (албанском, болгарском, румынском), что определяется по этимологическим словарям (БЕР 1971–2012).

Обширную группу в болгарских говорах юга Украины в тематической группе «Овцеводство» составляют названия овец по возрасту и полу. Для общего названия женской особи используется общеславянская лексема *овца* (диал. *уфца / уфць, усца / усць, фца*). Для названия мужской особи – лексемы *овен, коч* – племенной баран и *хазман / азман* – кастрированный баран. При этом две из них (*коч* и

хазман) являюся балканизмами, они употребляются и в настоящее время во всех балканских языках (Будзишевска 1983) и в некоторых тюркских (Азербайджанцы 2017: 203), что подчеркивает их тюркское происхождение. Кроме лексемы *агне* / *агни*, *йегни* (уменьшительное *агънци*), существуют названия ягненка до года – *шили*, после года – *дзвизак* / *дзвиздак*, *звизак*, *дзвиска* / *звиска*. Впервые оягнившуюся овцу называют *перваскиня* / *млада дзвиска*, дойную овцу – *сагмал*, *сагмалка*, бесплодную – *ялова*, старую овцу – *бабана*, ягненка, которого колят на Гергьовден, называют *гергьофче*, *гергьофско* / *гергьохсо агне*, *гергьофче*, *кужи*, *кужинце*. В болгарских переселенческих говорах зафиксированы также лексемы: *ланску шили*, *кужле*, *сукалчи*, *сирица*, *рогушка* (рогатая овца), *шута*, *чула* (безрогая овца), *кабак*, *тукан* (коч безрогий), *кудук* – овца, которая ходит за кем-то неотступно. В селе Новые Трояны зафиксированы нами, например, такие лексемы: *кюрпенци* – ягненок, которому 16 дней, *йегни* – до 9–10 месяцев, *шили* – ягненок до 1 года, *дзвиска* – овца от 1 года до 2 лет, *дзвиздак* – от одного года до двух лет, *пудойница* – овца, у которой есть маленькие ягнята, *майка* – овца, которая второй раз окотилась, *коч* – баран двухлетний, *азман* – баран кастрированный, *бабана* – старая овца, *пърнайа* – порода овец с длинной шерстью, *шпанка* – короткошерстная овца, *тукал* – безрогий баран, *рогушка* – рогатая овца. Маркером этих говоров является раритетная лексема *кюрпе*, *кюрпенци*, а также лексемы *пърная*, *шпанка* и *тукал*. Все остальные лексемы встречаются почти во всех исследуемых болгарских переселенческих говорах, в литературном болгарском языке и в говорах метрополии.

Следует отметить, что в Болгарии пастушеская терминология довольно подробно отражена в серии региональных описаний истории и этнографии края. Так, в Ловеческом округе зафиксированы такие названия овец по возрасту и полу: *раниче* – ранний ягненок; *сугаре*, *загаре* – поздний; *агни*, *агънци*, *ягне* – ягненок от рождения до того времени, когда его отлучили от матери, *шили*, *шиле* – ягненок до 1 года, *дзвиска*, *звиска* – овца от 1 года до 2 лет, *дзвизак*, *звиськ* – от одного года до двух лет, *прас*, *зозак*, *матур*, *коч* – двухлетний баран, *сирица*, *подойница* – овца, которая потеряла ягненка, или его продали, старая овца – *мария*, *щърба* (Ловешки край 1999: 50).

В исследуемых словарях карпатских говоров зафиксированы 5 лексем в этой подгруппе: *шутий* / *шута*, *чулий*, *чушка*, *цигайка* / *цигоя*. Так, в гуцульских говорах находим лексемы: *шутий* ‘безрогий баран или со сломанным рогом’ (Закревська 1997: 222), в буковинских говорах: *чулий* ‘безрогий’, *чушка* ‘с маленькими ушами’, *цигайка* ‘черная овца’, *шута* ‘безрогая’, *цигоя* ‘порода овец с длинной шерстью’ (Гуйванюк 2005: 623, 651, 654).

Помещения для овец в болгарских говорах Бессарабии имеют следующие наименования:

- летнее помещение для овец во дворе – *хагъл / агъл, гражд, укол*;
- зимнее помещение для овец во дворе – *сая, саичка, кошара*;
- огороженное место в степи – *търла, къшла, стръга, агъл / хагъл*;
- место, где доят овец и делают брынзу – *мандра, струнга, пирде*;
- части огороженного места в степи – *котурка, чардак, навес или шапрон, чипрон, чипрончи*.

В поле находится и жилье пастуха – *колиба (кулиба, кюлиба)*.

Зачастую помещение для овец во дворе и в степи называется одинаково. Наиболее употребительными лексемами в исследуемых болгарских переселенческих говорах являются *хагъл / агъл, кошара, търла, струнга*. Раритетными – лексемы *гражд* и *укол*. Лексема *гражд* в значении ‘летний овчарник, загон для скота’ зафиксирована нами только в чушмелийском говоре (у жителей с. Криничное Болградского района Одесской области и у переселенцев из этого села в с. Богдановка Запорожской области); она является маркером т. н. сыртских болгарских говоров. Лексема *укол* употребляется в говорах сел Новые Трояны и Огородное.

В литературном болгарском языке место, где живут овцы и зимой, и летом, называется *кошара*. Эта лексема употребляется почти во всех славянских языках и их диалектах, а также в румынском и венгерском языках. Чаще встречается в Средней и Восточной Болгарии. Общеупотребительными в болгарском языке являются также лексемы *обора, летовище* и название хижины пастуха *колиба*. В Западной Болгарии (во Врачанском, Трынском и Кюстендильском округах) чаще встречается лексема *сая* (Колев 2000: 112), которая в исследуемых переселенческих говорах употребляется в значении ‘зимнее помещение для овец во дворе’. Зимние и летние помещения для овец называются в болгарских говорах метрополии по-разному. Летние загоны для овец в Восточной Болгарии называются *къшли*, в Западной – *бачии*. В Северной Болгарии чаще употребляется лексема *агъл*, в Западной – *дайма, даяма*, а в Юго-Восточной – *слон (подслон)* (Колев 2000: 113).

В исследуемых карпатских говорах в этой подгруппе находим 7 общих лексем: *кошара, струнга, обора, гражд, колиба, гражд, летовище*. Так, в гуцульских говорах зафиксированы лексемы: *кошара* ‘временный загон для овец’, *струнга* ‘узкий проход в кошаре, через который пропускают овец для дойки’, *летовище* ‘летнее пастбище; время пребывания на пастбище’, *обора* ‘часть усадьбы; загон для животных’, *шопа* ‘1. помещение для хранения инвентаря; 2. помещение, в котором находятся животные’, *колиба* ‘хижина пастуха’, *стая* ‘постоян-

ное или временное летнее жилье пастухов, где они перерабатывают молочные продукты, *застайка* 'пристройка (к *стае*), где спят пастухи' (Закревська 1997: 52, 79, 103, 113, 139, 177, 190, 222).

В буковинских говорах употребляются лексемы *гражда* и *стая*. Лексема *гражда* в буковинских говорах имеет два значения: 1. 'кошюшня' 2. 'летний овчарник, загон для скота' (Гуйванюк 2005: 86), в гуцульских говорах у лексемы *гражда* три значения: 1. 'специальный тип ограды (высокий паркан из досок)'; 2. 'гуцульский двор, имение'; 3. 'старый заброшенный дом' (Закревська 1997: 54). Лексема *стая* также имеет два значения: 1. 'жилье пастухов'; 2. 'отара овец', *струнга* 'загон для овец; узкий проход в кошаре' (Гуйванюк 2005: 651, 654). Обращают на себя внимание сохранение и продуктивность корня – *стай* в карпатских говорах, который продуктивен и в болгарском языке (*стая* – болг. лит. 'комната').

Среди названий построек в исследуемых болгарских переселенческих говорах к балканизмам принадлежат лексемы *хагъл / агъл*, *къшла*, *колиба*, *мандра*, *пирде*, *сая*, *струнга*, *търла*, *чардак*, *шапрон*. Это в основном заимствования из турецкого и греческого языков (Колесник 2005). В буковинских говорах зафиксирована лексема *бурдей*, заимствованная из румынского языка или через румынский: *бурдей* 1. 'землянка, бедное жилье'; 2. 'шалаш' (Гуйванюк 2005: 34). В исследуемых болгарских говорах лексема *бордей / бурдей* имеет значение 'землянка, бедное жилье', в чийшийском говоре (с. Огородное) – 'погреб'.

Названия стад овец также являются балканизмами, в основном тюркского происхождения (Колесник 2005). Обобщающая модель семантической дифференциации названий стад в исследуемых болгарских переселенческих говорах включает следующие семемы: стадо овец (общее название) – *стаду*, *сурия / сюрия*, *билюк*, стадо от 200 до 600 овец – *турма*, более 30 овец – *фандачка*, *кирда*, стадо дойных овец – *сагмал*, стадо яловых овец – *яловник*, *ялувина*, стадо чужих овец – *збирникчия*, смешанное стадо – *смясница*, *перен*. огромное количество чего-то – *билюк*, *сюрия*. Наиболее частотными в исследуемых болгарских переселенческих говорах являются лексемы *сюрия*, *турма*, *сагмал*. В буковинских говорах зафиксированы только две лексемы в этой подгруппе: *турма* 'большая отара овец', *кирд* 'стадо овец' (Гуйванюк 2005: 651).

В исследуемых болгарских переселенческих говорах для наименования пастуха овец нами зафиксированы лишь общие названия: *уфчар*, *уфчарин*, *чубан*, *чубанин*, *пастир* и заимствование из украинского – *чередник*, стрижет овец – *стригал*, доит овец – *сагмалджия*. Только в с. Каменка нами зафиксирована раритетная лексема *търлаш*

‘старший пастух’, которая образована от лексемы *търла* ‘огороженное место для овец в степи’.

Для названия пастуха в болгарских говорах метрополии существует разветвленная система наименований: овчар, который пасет дойных овец, – *сагмалджия*, *подойничар*, маленьких ягнят пасет *шилигар*, *шилигарин*, *шилитар*, ягняр, ялових овец – *яловар*, *яловичар*, баранов – *кочовар*, *кочмар*, *празар*, чужих овец – *збирникчия*, *махлански*, *мъхленски чубанин*. Главного пастуха называют *кехая*, *кея*, *бачия*, *старши* / *главин уфчар* / *уфчер*. Помощник пастуха – *калфа*, *помошник*, молодой пастух – *чирак*, *потпасчик*, пастух, который загоняет овец в кошару – *карач*, *путкарач*, стрижет овец – *стригал*, доит овец – *струнгар*, *мандраджия*, кастрирует – *бораджия*, считает овец – *бруяч*, *уфцебруяч*, делает брынзу – *мандраджия*, *брънзар*, *сиренар*, готовит еду – *одаджия* (Колесник 2003: 288).

В гуцульских, а также в бойковских и лемковских говорах в значении ‘старший пастух’ употребляется лексема *бачия*, которая употребляется в говорах метрополии (Колесник 2003: 288), но не зафиксирована нами в болгарских переселенческих говорах юга Украины.

Как видим, в болгарских переселенческих говорах разветвленная система наименования пастуха утрачена, сохранились лишь общие названия: *уфчар*, *уфчарин*, *чубан*, *чубанин*, *пастир* и заимствование из украинского языка – *чередник*, название пастуха, который стрижет овец – *стригал*, и того, кто доит овец – *сагмалджия*, название старшего пастуха в с. Каменка – *търлаш*.

К общему лексическому фонду карпатских и болгарских переселенческих говоров в этой подгруппе следует отнести 3 лексемы *уфчар* / *вівчар*, *чубанин* / *чабан*, заимствование из украинского языка – *чередник*.

Каждый хозяин для распознавания овец в общем стаде прорезает на их ушах собственные знаки, которые называются *нишани* (в некоторых говорах – *лишани*, *мишани*). Лексема *нишан* является балканизмом, который употребляется в албанском, греческом, турецком, сербском и македонском языках (Колесник 2005: 121). В исследуемых болгарских переселенческих говорах лексема *нишан* расширила свое значение, употребляясь в переносном значении: ‘метка’ > ‘род’: *Чий нишан си?* = Из какого ты рода?

Метка может быть и на одном ухе, и на двух ушах. Обычно на ухе ставят одну метку, реже – две. Наиболее частотными названиями меток на ушах овец в болгарских селах юга Украины были такие: *харлец* / *арлец*, *дзамба* / *замба*, *копчи*, *стрела*, *стрелуха*, *удбаскану*, *удрязану*, *цяпнату*, *фъркулица*, *уюк*, *кисик*, *бирка*, *бръсноу*, *пелеш*, *къртик*, *дупка*, *копчи*, *кльопки*, *сечка*. Так, в с. Евгеновка это *копчи*, *стрела*, *стрелуха*,

фъркулица, арлец, в с. Суворово – *бирка, хърлец, цяпнату*, в с. Кубей – *замбъ, сечка, дюс кисик, уюк, цяпка*, в с. Твардица это *мишани: замба, харлец, кльопка, фаркулица, бирка, цяпнату*. *Мишани* в Новых Троянах: *прау удрягъну* – на двух ушах небольшой разрез, *дъмба* – круглый разрез на ухе, *пелеш* – дуговидный разрез сзади, *фуркулица* – треугольник на ухе, *прешен бръснаула* – на левом ухе небольшой разрез в длину, *заден бръснаула* – разрез сверху, *прешен арлец* – два разреза на левом ухе, *заден арлец* – два разреза на правом ухе, *кишкитур* – на левом ухе небольшой разрез, а на правом отрезан верх, *копчи* – на правом ухе круглый разрез, а на левом ухе разрез в длину.

В метрополии метки на ушах овец более разнообразны. Наиболее употребительные из них: *разцапено, цапено, рабош, целухо / целоу, трупено, рязано, утсечено, кутру, рамно, рамичка, дъмба, перо, бръстна*. *Нишаны* в Страндже, например, могут быть такие: *целухо* – целое ухо, *стрелухо* – в форме стрелы в верхней части уха, *цепухо* – небольшой разрез по длине, *бундруг* – срезано наискось, *бръснухо* – отрезанный верх, *кърнухо* – дуговидный разрез, *жебустро* – правоугольный разрез сверху, *зауш* – в форме хвоста ласточки (Странджа 1996: 58).

По мнению Г.П. Клепиковой, «при всей кажущейся индивидуальности меток на ушах овец они оказываются в значительной степени универсальными, так же, как и их названия. Часть этих названий известна и большинству украинских бессарабских говоров, карпато-украинских и румынских. Это общий лексический фонд карпато-балканского пространства» (Клепикова 1974: 155–156). К сожалению, в вышедших словарях буковинских и гуцульских говоров (Закревська 1997; Гуйванюк 2005) нами не найдены названия меток на ушах овец.

В ЛСГ «Одежда пастуха» наиболее частотными оказываются названия короткой безрукавки, которая имеет огромное количество названий в болгарских переселенческих говорах: *елек, илече, крутка, раменче, бидян, забун, кужухчи, кюрче, ажемка, джамка / жамка, киптар, минтан* и др. Все они известны и в говорах метрополии (Колесник 2003: 206). Две из них (*жамка* и *киптар*) зафиксированы в исследуемых нами карпатских говорах, например *жамка* – в гюльменском говоре (с. Яровое Тарутинского района Одесской области). В буковинских говорах *жамка* также имеет значение ‘короткая безрукавка’ (Гуйванюк 2005: 110). Лексема *киптар / кептар* ‘ меховая безрукавка с орнаментом ’ фиксируется почти во всех исследованных болгарских говорах сел Заря, Димитровка, Кулевча, Кубей, Новые Трояны, Огородное, Каменка, Лоциновка, Островное, Суворово: *Киптари кожени и сукнени с джобуй, мъжуйти ги носат, кугату кръсто му були* (с. Кулевча); *Киптар се ший ут офчешка суха кожа* (с. Димитровка). В буковинских говорах она также имеет значение ‘короткая безру-

кавка' (Гуйванюк 2005: 111).

Менее частотным в исследованных болгарских говорах является название жакета – *яке* 'мужской и женский жакет', в буковинских говорах – *які* 'женская верхняя одежда из грубого сукна' (Гуйванюк 2005: 685).

В исследуемых нами болгарских и карпатских говорах находим и другие названия одежды, которую носили не только пастухи. Так, в исследуемых болгарских говорах *манта*, *мантава* – это одежда пастуха, плащ с капюшоном, *гугла* – капюшон. В гуцульских говорах *манта* – это свадебная одежда жениха из серого домотканого сукна, *гугля* 'накидка с капюшоном – свадебная одежда невесты' (Закревська 1997: 55, 120).

В болгарских переселенческих говорах сел Евгеновка, Твардица и Суворово лексема *дулама* имеет значение 'верхняя мужская праздничная одежда из домашнего сукна белого или черного цвета – полукафтан'. Название этой одежды служит маркером этнографической группы твардичан (жителей с. Твардица) в исследуемом регионе (*Твардичаните носат дулами, затуй ги назовават дулами*) – переселенцев из с. Твардица Сливенского округа в Болгарии, где также употреблялась эта лексема в значении 'верхняя мужская одежда' (Колесник 2001: 117). Лексема *дулама* в буковинских говорах имеет значение 'длинная рабочая одежда вольного кроя из домашнего сукна' (Гуйванюк 2005: 105), в гуцульских говорах *дуламан* – 'верхняя одежда преимущественно фабричного производства; ветхая старая одежда' (Закревська 1997: 64).

Лексемы *запасака*, *гугла*, *гащи* зафиксированы нами в болгарских переселенческих говорах, они употребляются и в литературном болгарском языке. В гуцульских говорах *запасака* 'женская поясная одежда, состоящая из двух полотнищ', *гачи* 'штаны из домотканного сукна' (Закревська 1997: 44, 77).

Таким образом, в лексико-семантической группе «Одежда пастухов» наиболее частотными в карпато-балканском ареале являются лексемы: *киптар*, *джамка* / *жамка*, *манта* / *мантава*, *дулама*, которые обозначают различные виды в основном мужской одежды, и лексемы *гащи* / *гачи*, *гугла*, которые являются общеупотребительными в болгарском языке.

К тематической группе «Овцеводство» принадлежат также лексемы, которые не образуют ЛСГ, однако на денотативном уровне их отнесение к этой тематической группе не вызывает сомнения. Это лексемы *колестра* (*кулестра*, *кулястра*, *кулестро*) – 'первое молоко после окота, молозиво'; *кърлига* – 'палка пастуха; орнамент на хлебе в виде палки пастуха'; *кръклига* – 'ножницы для стрижки овец'; *кур-*

бан, каварма – традиционное обрядовое блюдо из овечьего мяса. Они имеют ареальные лексические соответствия в языках карпато-балканского ареала. Все эти лексемы употребляются в болгарских переселенческих говорах и в болгарском литературном языке.

Во всех болгарских селах юга Украины стригут овец в мае (на Гергьовден), а ягнят в августе специальными ножницами, которые называются *кръклизи* во всех исследуемых болгарских говорах. Эта лексема употребляется в говорах метрополии и в литературном болгарском языке (Колесник 2003: 289), но в словарях буковинских (Гуйванюк 2005) и гуцульских говоров (Закревська 1999) нами не найдена.

Палка, которой ловят овец, называется в болгарском языке и в исследуемых болгарских диалектах *кърлига*, в гуцульских говорах – *герлига* ‘палка пастуха’ (Закревська 1997: 52). В болгарских селах Молдавии и в настоящее время на Гергьовден традиционно пекут обрядовый хлеб *овчарник*, на котором изображена *кърлига*.

Сравнительный анализ пастушеской терминологии в болгарских переселенческих говорах юга Украины и в карпатских говорах показывает, что наибольшее количество общих лексем зафиксировано в ЛСГ ‘названия помещений для овец’. В этой подгруппе находим 8 общих лексем: *кошара, струнга, обор / обора, гражд / гражда, колиба, гражд, летовище, бурдей*.

Обширная группа лексем зафиксирована нами в ЛСГ «Названия овец по возрасту и полу» в болгарских переселенческих говорах. Кроме лексемы *агне / агни, йегни* (уменьшительное *агънци*), отмечены лексемы: *шили, дзвизак / дзвиздак, звизак, дзвиска / звиска, перваскиня / млада дзвиска, сагмал, саг малка, пудойница, майка, ялова, бабана, гергьофче, гергьофско / гергьохсо агне, гергьофче, кужи, кужинце, ланску шили, кужле, сукалчи, сирица, азман / хазман, коч, кюрпенци*. Однако в исследуемых нами словарях буковинских и гуцульских говоров этих лексем не найдено.

В ЛСГ «Названия овец по внешнему виду» в переселенческих говорах юга Украины зафиксированы лексемы: *чула, чушка, шута, цигая, шпанка, пърная, рогушка, кабак, тукан*. В исследуемых словарях карпатских говоров отмечены 5 лексем в этой подгруппе: *шутий / шута, чулий, чушка, цигайка / цигоя*.

В лексико-семантической группе «Одежда пастухов» наиболее частотными в карпато-балканском ареале являются общими 7 лексем: *киптар, джамка / жамка, манта / мантава, дулама, гугла / гугля, яке / які*, которые обозначают различные виды в основном мужской одежды, и лексема *гащи / гачі*, которая является общеупотребительной в болгарском языке. Они употребляются в карпатских говорах в

переносном значении, переходят в разряд архаичной лексики.

В болгарских переселенческих и в карпатских говорах утрачена разветвленная система именования стад и названий пастухов, что связано с уменьшением количества овец в хозяйстве. Так, в буковинских говорах зафиксированы только 2 лексемы в подгруппе названия стад овец: *турма* 'большая отара овец', *кирд* 'стадо овец', которые употребляются и в исследуемых переселенческих говорах. Утрачена в болгарских переселенческих говорах и разветвленная система наименования пастуха, сохранились общие названия: *уфчар*, *уфчарин*, *чубан*, *чубанин*, *пастир* и заимствование из украинского языка – *чередник*, а также лексемы *стригал* и *сагмалджия*. К общему лексическому фонду карпатских и болгарских переселенческих говоров в этой подгруппе следует отнести только 3 лексемы: *уфчар* / *вівчар*, *чубанин* / *чабан*, *чередник*. Но сохранились некоторые раритетные лексемы – названия старшего пастуха: старший пастух – *търлаш* в исследуемых болгарских говорах юга Украины и лексема *бачия* в гуцульских говорах.

В болгарских селах юга Украины нами зафиксированы около 30 названий меток на ушах овец: *арлец* / *харлец*, *бирка*, *бръсноу*, *дзамба* / *замба*, *дупка*, *дюс кисик*, *копчи*, *къртик*, *кльопка*, *пелеш*, *сечка*, *стрела*, *стрелуха*, *удбаскану*, *удрязану*, *цяпка*, *цяпнату*, *фъркулица* / *фуркулица*, *уюк*, *кисик*, *прау удрязгнү*, *прешен бръснаула*, *заден бръснаула*, *прешен арлец*, *заден арлец*, *кишкитура*. К сожалению, в исследуемых словарях буковинских и гуцульских говорах названия меток на ушах овец не представлены.

Таким образом, изучение различных сторон карпатской и балканской лексики свидетельствует о том, что рассмотрение тех или иных фактов изолированно – лишь в рамках собственно карпатского ареала или балканского – оказывается недостаточным. Исследование диалектной лексики в широком ареалогическом контексте славянских языков в значительной степени уточняет картину межславянских языковых контактов в прошлом. Поэтому карпатистика в целом и карпатское языкознание в частности должны включать в свои задачи обращение к балканскому материалу для установления в нем явлений, корреспондирующих с карпатскими говорами, или, напротив, для констатации в обеих зонах несоответственных явлений. Карпато-украинско-болгарские лексические параллели, несомненно, должны быть учтены при составлении Атласа языков балканского языкового союза, при определении ареалов балканизмов, что является одной из актуальных проблем балканистики. Необходимо исследовать не только языки БЯС, но и другие славянские языки и их диалекты, чтобы определить границы распространения балканизмов в западном и

северном направлениих. Переселенческие болгарские говоры, в т. ч. и болгарские говоры юга Украины – неотъемлемая часть болгарского языкового континуума. Они, несомненно, должны привлекаться при анализе различного типа балканизмов и карпатизмов.

Функционирование в диалектах карпато-балканского ареала некоторого общего корпуса лексико-семантических единиц, имеющих различный генезис, дает основание предполагать формирование здесь особой лингвистической общности, типологически близкой к «языковому союзу», но актуализированной лишь на одном лексико-семантическом языковом уровне. Наличие в диалектах ареала общих черт хотя бы на одном языковом уровне дает основание рассматривать эти генетически разнородные диалекты не как простую сумму, а как определенным образом организованную лингвистическую протяженность – континуум (Клепикова 1999: 234). Поэтому украинские говоры Карпатской зоны необходимо относить к языкам БЯС третьего ранга.

ЛИТЕРАТУРА

- Азербайджан 2017 – Азербайджан 2017. М.: Наука, 2017. 710 с.
- Асенова 1989 – *Асенова П.* Балканско езикознание. Основни проблеми на Балканския езиков съюз. София: Фабер, 1989. 276 с.
- БЕР 1971–2012 – Български етимологичен речник. София: БАН, 1971–2012. Т. 1–6.
- Бернштейн 1967 – *Бернштейн С.Б. и др.* Карпатский диалектологический атлас. М.: Наука, 1967. Кн. 1. 271 с.
- Будзишевска 1983 – *Budziszewska W.* Słownik bałkanizmów w dialektach Macedonii Egejskiej. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1983. 184 с.
- Венелин 1840 – *Венелин Ю.* Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным. СПб., 1840. 356 с.
- Георгиев 1972 – *Георгиев В.* К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 398–419.
- Грек 2018 – *Грек И.Ф.* Купоран – Ровное: история, культура, люди болгарского села в Буджаке. Измаил: Ирбис, 2018. 324 с.
- Гуйванюк 2005 – *Гуйванюк Н.В.* Словник буковинських говірок. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.
- Державин 1914 – *Державин Н. С.* Болгарскія колоніи в Росіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерні). София: Мартилен, 1914. 304 с.
- Закревська 1997 – *Закревська Я.* Гуцульські говірки. Короткий словник. Львів, 1997. 232 с.

Иванчев 1988 – *Иванчев Св.* Българският език – класически и екзотичен. София: Народна просвета, 1988. 240 с.

Клепикова 1974 – *Клепикова Г.* Славянская пастушеская терминология: ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М.: Наука, 1974. 256 с.

Клепикова 1999 – *Клепикова Г.П.* Проблемы истории болгарского языка и «Болгарский диалектологический атлас» // Диалектология и лингвистична география. София: БАН, 1999. С. 234–245.

Колев 2000 – *Колев Н.* Българска етнография. В. Търново, 2000. 288 с.

Колесник 2001 – *Колесник В. А.* Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь. Одеса: Гермес, 2001. 228 с.

Колесник 2003 – *Колесник В. А.* Дебалканізація болгарських переселенських говірок в Україні. Граматична система. Одеса: Астропринт, 2003. 352 с.

Колесник 2005 – *Колесник В. А.* Словник лексичних балканізмів у болгарських переселенських говірках // Одеська болгаристика. Одеса, 2005–2006. Вып. 3–4. С. 103–133.

Лашкова 1997 – *Лашкова Л.* Основни балкански трансформации на славянските граматични модели и средства в българския език // Общност и многообразие на славянските езици. София: Академично славистично дружество, 1997. С. 128–133.

Ловешки край 1999 – *Ловешки край.* София: Марин Дринов, 1999. 431 с.

Нимчук 1988 – *Нимчук В. В.* Карпатоукраинско-южнославянские языковые параллели и тождества (история и перспективы проблемы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1984. М.: Наука, 1988. С. 294–313.

Погорелов 1935 – *Погорелов В.* Болгаризмы в карпаторусских говорах // Научный сборник в память Е. И. Сабова. Ужгород, 1935. С. 3–7.

Странджа 1996 – *Странджа.* София: Марин Дринов, 1996. 454 с.

REFERENCES

Anon. (2017) *Azerbaydzhan* [Azerbaijan]. Moscow: Nauka.

Asenova, P. (1989) *Balkansko ezikoznanie. Osnovni problemi na Balkanskiya ezikov s"yuz* [The Balkan Linguistics. Basic problems of the Balkan language area]. Sofia: Faber.

Geroviev, V. I. (ed.) (1971–2012) *B"lgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. 1–6. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.

Bernstein, S. B. et al. (1967) *Karpatskiy dialektologicheskiiy atlas* [Carpathian Dialectological Atlas]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Budziszewska, W. (1983) *Słownik bałkanizmów w dialektach Macedonii Egejskiej* [Dictionary of Balkanisms in the dialects of Aegean Macedonia]. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.

Venelin, Yu. (1840) *Vlakho-bolgarskie ili dako-slavyanskije gramoty, sobrannye i ob'yasnennye Yuriem Venelinym* [Vlaho-Bulgarian or Daco-Slavic charters collected and explained by Yuri Venelin]. St. Petersburg: [s.n.].

Georgiev, V. (1972) K voprosu o balkanskom yazykovom soyuze [On the Balkan Language Area]. In: Rozentsveig, V. Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Language Contacts]. Moscow: Progress. pp. 398–419.

Grek, I. F. (2018) *Kuporan – Rovnoe: istoriya, kul'tura, lyudi bolgarskogo sela v Budzhake* [Kuporan – Rivne: The history, culture, and people of the Bulgarian village in Budzhak]. Izmail: Irbis.

Guyvanyuk, N. V. (2005) *Slovník bukovinských govírok* [The Dictionary of the Bukovina dialects]. Chernivtsi: Ruta.

Derzhavin, N. S. (1914) *Bolgarskiya kolonii v Rossii (Tavrisheskaya, Khersonskaya i Bessarabskaya gubernii)* [The Bulgarian colonies in Russia (Taurida, Kherson, and Bessarabia Governorates)]. Sofia: Martilen.

Zakrevska, Ya. (1997) *Gutsul's'ki govírki. Korotkiy slovník* [The Hutsul dialects. The Concise Dictionary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Ivanchev, Sv. (1988) *B'lgarskiyat ezik – klasicheski i ekzotichen* [Bulgarian language – classic and exotic]. Sofia: Narodna prosveta.

Klepikova, G. (1974) *Slavyanskaya pastusheskaya terminologiya: ee genezis i rasprostranenie v yazykakh karpatskogo areala* [Slavic shepherd terminology: its origin and diffusion in languages of the Carpathian area]. Moscow: Nauka.

Klepikova, G. P. (1999) Problemy istorii bolgarskogo yazyka i "Bolgarskiy dialektologicheskiy atlas" [Problems of the Bulgarian language history and "Bulgarian Dialectological Atlas"]. In: Radeva, V, Velcheva, B. & Zhobov, V. *Dialektologiya i lingvistichna geografiya* [Dialectology and Linguistic Geography]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. pp. 234–245.

Kolev, N. (2000) *B'lgarska etnografiya* [Bulgarian Ethnography]. Tarnovo: Abagar.

Kolesnik, V. A. (2001) *Evgenovka (Arsa). Onomastika. Govor. Slovar'* [Evhenivka (Arsa). Onomastics. Dialect. Dictionary]. Odesa: Germes.

Kolesnik, V. A. (2003) *Debalkanizatsiya bolgars'kikh pereselens'kikh govírok v Ukraíni. Gramatichna sistema* [Debalkanization of the Bulgarian transmigratory dialects in Ukraine]. Odesa: Astroprint.

Kolesnik, V. A. (2005–2006) *Slovník leksichnikh balkanizmiv u bolgars'kikh pereselens'kikh govírkakh* [The dictionary of lexical balkanisms in Bulgarian transmigratory dialects]. *Odes'ka bolgaristika*. 3–4. pp. 103–133.

Lashkova, L. (1997) Osnovni balkanski transformatsii na slavyanskite gramatichni modeli i sredstva v b'lgarskiya ezik [Main Balkan transformations of Slavic grammar models and means in the Bulgarian language]. In: Lekov, I. D. (ed.) *Obshchnost i mnogoobrazie na slavyanskite ezitsi* [Community and diversity of the Slavic languages]. Sofia: Akademichno slavistichno druzhestvo. pp. 128–133.

Mikhailova, G. (ed.) (1999) *Loveshki kray* [Lovech region]. Sofia: Marin Drinov.

Nimchuk, V.V. (1988) Karpatoukrainsko-yuzhnoslavyanskіe yazykovye paralleli i tozhdestva (istoriya i perspektivy problemy) [Carpatho-Ukrainian and South Slavic linguistic parallels and sameness (history and perspectives of the problem)]. In: Ivanov, V.V. (ed.) *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya* [Common Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research]. Moscow: Nauka. pp. 294–313.

Pogorelov, V. (1935) Bolgarizmy v karpatorusskikh govorakh [Bulgarianisms in Carpatho-Russian dialects]. In: Pogorelov, V. et al. *Nauchnyy sbornik v pamyat' E.I. Sabova* [Collection of Scholar Works in Memory of Y.I. Sabov]. Uzhhgorod: [s.n.]. pp. 3–7.

Cherkezova, M. (ed.) (1996) *Strandzha* [Strandzha]. Sofia: Marin Drinov.

Колесник Валентина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой болгарской филологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (Украина)

Valentina A. Kolesnik – Odesa I.I. Mechnikov Nation University (Ukraine).

E-mail: vakolesnik2@gmail.com